

„НОВЫЙ ПОРЯДОК“ В КУРСКЕ

Илья ЭРЕНБУРГ

Прошлой весной я прочёл в одной немецкой газете следующее рассуждение: «В Калуге или в Калининне мы пробыли считанные недели, и русские не могли по-настоящему увидеть, что такое новый порядок...» В Курске немцы пробыли пятнадцать месяцев. Здесь мы можем научиться достижению «нового порядка».

Курск при немцах. На трогуарах много офицеров, солдат. Воровато оглядывались, шмыгают мадьяры — идут на базар спекулировать. По мостовой плетутся изможденные женщины с салазками. Трамвай исчез.

Повсюду указательные таблички на немецком языке: «Солдатский дом 3».

«Убежище для военнослужащих».

«Казино».

На стенах плакаты. Вот изображен немец с ребенком на руках. Подпись: «Немецкий солдат — защитник детей». Женщина прошла и отвернулась: ее четырехлетнего мальчика искалечил пьяный фельдфебель.

На дверях некоторых домов значится: «Собственность германской армии. Русским вход воспрещен», или «Гражданскому населению вход в этот дом воспрещается под страхом наказания смертной казнью».

Домечки с названиями улиц — сверху по-немецки, снизу по-русски. Комендант Курска генерал-майор Марселл заявил: «Восстановить довоенные названия. Никакой политики». Самая большая улица в Курске Ленинская. Прежде она называлась Московской. Генерал-майор поморщился: «Московская? Это тоже политика». Повесили новую домечку: «Гауптштрассе — Главная улица».

Комендант города Щигры, Курской области, майор Паулинг назвал лучшую улицу города Немецкой.

Немцы заполнили Курск. Здесь стоит дивизия. Здесь база второй германской армии. Здесь кушают штабные офицеры генерал-лейтенанта фон Зальмута. Комендант решил, что в казармах немцам «неуютно и опасно». Офицеров и солдат разместили по домам. В каждой квартире немцы.

А вот и немцы. Откуда они взялись? Майор привез супругу из Гамбурга. Усмехаясь, он говорит: «Здесь спокойней...» (В начале февраля эта Гретхен спешно отбыла: она предпочла английские бомбежки русскому наступлению).

Даже мертвые немцы теснят русских. В городском парке Щигров зарыты четыре тысячи арийцев. Вдоль аллеи и скамеек бесконечные шеренги прусских крестов.

Ресторан для немцев. Кино для немцев. Театр для немцев. Магазины для немцев. Вокзал для немцев. Кладбище для немцев. Для русских? Ров в Щетинке — там зарывают расстрелянных.

До прихода немцев в Курск было сто сорок тысяч жителей. При немцах осталось двести тысяч. Около двух тысяч немцев убили, девять ты-

сяч отправили в Германию. Свыше десяти тысяч умерли от эпидемий.

Пятнадцать месяцев куряне жили пещерной жизнью. Зимой было запрещено ходить по улицам после пяти часов пополудни, летом — после семи часов. Люди сидели в темных домах. А под окнами горлачили пьяные немцы.

В комнате, где живет заведующая хирургической больницей доктор Коровина, стены изрешечены пулями. Можно подумать, что здесь шел бой. Нет, это развлекались немецкие офицеры. Выпив несколько бутылок французского шампанского, они стали стрелять в комнату, где спала Коровина с дочкой. Ober-лейтенант острит: «Мы приглашаем фрау доктор расписаться с нами бутылочку...».

«Только для немцев» — эти слова стояли повсюду. Написать письмо в Щигры? Почта только для немцев. Послать телеграмму в Орел? Телеграф только для немцев. Съездить в Белгород? Нужно для этого угодить немцу в комендатуре: он выдаст пропуск. Счастливый будет допущен в товарный вагон: пассажирские только для немцев.

Генерал-майор Марселл любил показывать свою эрудицию. Он ссылался на старого итальянского автора Казанову: «Русские любят кнут». Русская бомба закончила земные труды генерал-майора Марселла. Новый комендант майор Флигг, когда к нему обращались с просьбой, неизменно отвечал: «Вы, кажется, забыли, что вы — русский?».

В учреждениях висели дощечки: «Пользоваться уборной русским запрещается». Очевидно, в этом сказались мистика арийской расы...

Куряне немцы убивали за городом — в Щетинке. Раздевали, потом расстреливали, вкалывали в ров. Убивали коммунистов и жен командиров, студентов пединститута и пленных красноармейцев, евреев и колхозниц. Убийствами ведали три конкурировавших учреждения: комендатура, гестапо и полевая жандармерия.

Двадцать пять заложников были убиты перед зданием Медицинститута. Их тела лежали на мостовой: немцы запретили родным похоронить расстрелянных.

Щигры — маленький город, но и в Щиграх палачи поработали. Когда был взорван мост, немцы расстреляли пятьдесят заложников. Зверски убили братьев Русановых. Весной на центральной площади повесили шесть девушек. Когда обреченных вели на казнь, они кричали: «Женщины, стыдно быть немецкими подстилками! Наши скоро вернутся. Мужайтесь!». Немцы стояли с фотоаппаратами и гоготали.

В селе Никольском я встретил учительницу Провалову. Ее сына застрелил немец. Почему? Потому, что немцу захотелось выстрелять. В том же селе немцы убили колхозницу Воробьеву, мальчика Васю Паренюга, старика Петра Фомина. Почему? Потому, что немцы навели «новый порядок».

Немцы хотели и насильничать Марусю Толмачеву. Девушка сопротивлялась. Ее повесили к

дереву, потом убили. Убили тринадцатилетнего Колю Толмачева, который вступился за сестру.

В Курске было четыреста евреев. Немцы их убили. Грудных детей ударяли головой о камень: экономили патроны. Среди убитых крупные врачи, известные за пределами города, Гильман и Шендельс. Убивали младенцев и девяностолетних стариков. Уходя из города, немцы вспомнили, что в больнице для тифозных лежит девушка-студентка — еврейка. Палачи пришли в палату. Больная не могла встать, ослабев после болезни. Ее убили здесь же. В Курске остался только один еврей — инженер Киссельман. Он лежал в тифозной больнице. Его спасла сиделка — сказала немцам, что он умер.

В Фатеже вели на казнь еврейскую семью. Девочка кричала: «Убивают». Убили сначала ее. Потом положили мать на тело дочери. Убили. Скинули в яму отца и закопали.

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная торговля и товары». В Курске открылись три комиссионных магазина. Что в них можно было купить? Веревки, щипцы для сыра, вазу, люстру, морезежину.

В ларьках торговали «кустарными изделиями» — корзинами, деревянными пуговицами, арзац-мылом, которое не мылилось. Вот и вся «частная торговля». Пятнадцать месяцев немцы вывозили из Курска и Курской области награбленное добро. Они не ввозили в Курск ни одной иглолочки, ни одного перышка.

Был базар. Немцы покупали у крестьян картошку, зелень. У немцев карманы были набиты оккупационными марками. Эти бумажки не имеют хождения даже в Германии. Их назначение — придать грабежу видимость торговли. Одна «окупационная марка» по приказу германского командования равнялась десяти рублям.

Куряне уходили в деревни за пятьдесят, за сто километров — тащили пожитки и меняли их у крестьян на картошку. Приходилось давать взятки немецким патрулям. Немцы брали все: картошку и соль, наволочки и детские ботинки.

Комендант Курска старался новым способом снабжения населения: немцы сдавали в аренду городскую землю. За каждый га нужно было внести немцам 140 рублей и 10 центнер в картофе. Майор Флигг ухмылялся: «Здесь вам, картошка нам». А куряне голодали.

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная инициатива и расцвет промышленности».

Генерал-майор Марселл вывозил одного из местных капиталистов, гнившего Т. Малого: «Извольте наладить производство. Открыть мельницы — нашей армии нужен хлеб. Мастерские могут ремонтировать наш снаряжение».

В газетке «Курск не известен» было объявление, что «трикотажная фабрика возобновила работу, желая облегчить голо-

ждение курян». На фабрике принимались джемперы: за солидное вознаграждение их перерабатывали. По два джемпера в день... Чем же была занята трикотажная фабрика? Она изготовляла фуфайки для немецких солдат. Шесть брали у русских крестьян. Работали русские женщины. Фуфайки носили немцы.

А частная промышленность? В Курске открылось несколько предприятий. Вот, например, курский филиал берлинской фирмы «Адольф Филипп». Во главе стоял немец Адлер. Он набрал 25 русских рабочих. Адлер забирал на бойне кожи. Немцы ели котлеты. А выделанная курскими рабочими кожа направлялась в Берлин фирме «Адольф Филипп».

Другой немец открыл вальцовое производство, обслуживавшее германскую армию. Фабриканты приехали с семьями. Жили припеваючи. В начале февраля они неожиданно помрачнели, стали говорить, что скучают по родине, и, собрав пожитки, уехали.

В селе Волово немец открыл колбасную фабрику. Он привез из Германии оборудование. С ним же забирали у крестьян. Работали на фабрике голодные русские женщины. Колбасу отсылали в Германию. За исчезновение одной колбасы германский высек женщину.

В русском селе Замазяйке успел обосноваться немецкий помещик. Он нанял батраков, выписал из Германии молотилку.

В селе Папино немцы снесли школу и больницу. Из строительного материала крестьяне должны были строить дома для немцев. Колонизаторы устраивались надолго. Они считали, какие доходы у них будут в 1944 году. Они не забывали даже о полунках. Забыли они об одном: о Красной Армии.

В первые месяцы немцы грабили деревню беспорядочно: солдаты забирали коров, свиней, кур. Потом командование ввело «новый порядок»: грабить стали организованно. С каждой коровы нужно было поставлять немцам 720 литров молока, с каждой курицы — 190 яиц. Крестьяне говорили: «Зимой курица несется, что?». За такие размышления староста сажал в холодную избу.

Крестьяне работали «общинной» — немцам было удобней стричь стадо оптом. В некоторых селах не осталось ни одной лошади. Немцы призывали: «Полезите землю по дворам, и пусть каждый двор даст урожай, как полагается». Животных тащили пуги. Староста покрикивал: «Живее — нужно государству сдать, что полагается». «Государством» этот бестолк именовал немцев. В Курске находилось «синаго» — специальное учреждение для ограбления крестьян. Викариус вло. Комендант грозился

Старосты раздели. Крестьяне снова узнали крепостное право. Им оставляли по несколько снопов на душу — как коменданту вздумается. Остальное забирали немцы.

Немцы хотели во что бы то ни стало доказать, что «новый порядок» — это рай для крестьян. Они объявляли, что такое-то село «поддерживало партизан», забирали в селе всех коров, потом «дарили» соседнему селу пять коров и об этом писали в газетках: «Мы снабжаем сном русские деревни». В Курске немцы «дарили» русским русские дома. В селах немцы «дарили» русским русских коров и заставляли крестьян посылать «благодарственные адреса» коменданту.

Старик в селе Никольском рассказывает: «Мне восьмой десяток пошел. А они меня заставляли плести валенки из соломы. Приезжал из Щигров подлец — баянял еще, как плести. По двенадцати пар с общины. Вот такое дерьмо делать — тыфу!...».

Колхозница из села Успенки говорит: «Культур! Культур! Скажите, пожалуйста! А какая же это культура, когда они вас позавирали? Платком моим и то не побрегали. Лохмотники проклятые!».

В большом селе Вышне-Долгов немцы устроили хлебный и мясной заводы, обслуживавшие германскую армию. Сгноили женщин. Забрали муку, скот. Староста был пьяницей. Бил крестьян. Когда к селу подходила Красная Армия, староста выпил бутылку горькой, запряг коня и, стоя в розвальнях, понесся сквозь буран, восклицая: «Я — второй Гитлер».

В некоторых селах избы сожжены. За что? Вот село Мишино. Один полковник дал русскому военнопленному ломать хлеба. Комендант приказал сжечь пять изб. «Новый порядок»!

«Мы принесли вам свечки культуры», заявил генерал-майор Марселл. В течение года все школы были закрыты. Наконец то немцы разрешили открыть несколько арзац-школ в пределах четырех начальных классов — майор Флигг сказал: «С русских хватит и этого».

В Курске родители попытались устроить групповые занятия детей, но комендатура запретила занятия, объявив их «незаконными собраниями».

Из библиотек изъяти почти все книги. Достаточно указать, что к запрещенным книгам были отнесены «Гамрош» Гюго и популярное изложение теории Дарвина.

В театре выступали пансоветки — для немцев. В один из кинотеатров русские имели право доступа. Там показывали фильмы, посвященные прославлению Гитлера.

Такова была культурная жизнь города, прежде имевшего несколько высших учебных заведений, прекрасный театр, два музея, богатые библиотеки.

г. КУРСК

(Окончание следует)